

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-1-46-57
УДК 821.161.1

Научная статья

Проблематика и жанровое своеобразие романа Юрия Полякова «Гипсовый трубоч»

Н.Э. Ибадова, М.М. Голубков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена анализу проблематики и жанрового своеобразия трехчастного романа Ю. Полякова «Гипсовый трубоч». Роман, написанный в стиле гротескного реализма, многоплановый, содержит много вставных новелл исторического, детективного, лирического характера. Такая жанровая форма служит замыслу писателя разоблачить порочные явления окружающей реальности. Этой же цели служит широкий арсенал мастерски используемых поэтических приемов: окказиональных слов и словосочетаний, авторских неологизмов, развернутых гипербол и литот, неожиданных сравнений. Роман изобилует афоризмами. В названиях большинства глав произведения использованы прецедентные феномены. Отношение автора к героям проявляется в «говорящих» фамилиях, ярких портретных зарисовках. Предметно-бытовые детали, эпиграммы придают живость повествованию. Роман посвящен творческим людям, и в тексте много места занимают размышления и споры о назначении искусства, о том, каким должно быть настоящее искусство. Отдавая дань уважения служителям Музы, автор повествует о вдохновении, нелегком творческом труде и муках созидания.

Ключевые слова: гротескный реализм, прецедентные феномены, творчество, вставные новеллы, афоризмы, сценарий

Введение

Русская сатира традиционно характеризуется масштабным осмыслением сущности человеческого бытия. «Ведь наше время вызывающе сатирично, буквально сочтется чудовищным гротеском!» [15. С. 526]. Современный литературный процесс развивает эту традицию, в частности в жанре гротескного реализма, лидером которого является Юрий Поляков. Стремление к осмыслению недостатков и несуразностей жизни подтолкнули его к созданию захватывающего сатирического романа «Гипсовый трубоч», заслужившего много критических статей и рецензий. А. Большакова в своем капитальном исследовании «Феноменология литературного письма. О прозе Ю. Полякова» проанализировала прозу Полякова в контексте основных идейно-эстетических проблем и тенденций новейшей русской литературы, выделив «стиль мышления Юрия Полякова (удивительный сплав лиризма, иронии и трагизма!)» [2.

© Ибадова Н.Э., Голубков М.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

С. 39]. В. Куницын оценил поляковский «не только литературный талант, но и стиль, соединявший в себе веселый лаконизм и трезвую наблюдательность отличного психолога» [7. С. 137]. Д. Кротова, отмечая исключительную широту проблематики «Гипсового трубача», тем не менее считает, что это роман о творчестве и искусстве [6. С. 129–141]. Н. Казаков усмотрел мастерство Полякова в том, что «через призму иронии он может рассматривать практически все базовые концепты этнокультурного сознания» [5. С. 360–372]. М. Маслин подчеркивает, что нет лучшей, чем у Полякова, «литературно-художественной иллюстрации бахтинским понятиям “карнавал” и “карнавализация”» [8. С. 355]. В. Бондаренко отмечает непредсказуемость финалов в произведениях Полякова, которые он называет «мужской прозой о любви» [4. С. 318–341]. А. Неверов считает, что «сюжеты и герои Полякова прочно связаны с сегодняшней действительностью, являются ее отражением» [9. С. 189–192]. Высокую оценку прозе Полякова дал П. Басинский: «В прозе Полякова вы найдете метафизику сложнейших отношений личности и общества, диалектику души человеческой, преломленной в самых актуальных общественных проблемах» [1. С. 204–212]. Н. Переясловым было справедливо подмечено, что главное в прозе Полякова заключено «не столько в самих перипетиях их сюжетов, сколько – в тех второстепенных, казалось бы, деталях, которые, составляя собой побочный фон повествования, как раз и придают ему на самом деле по-настоящему жизненную полноту и узнаваемость» [10. С. 238–258].

По словам автора, роман «в известной степени является возвращением на новом витке к поэтике <...> романа “Козленок в молоке”» [17. С. 151]. Действительно, в «Гипсовом трубаче» очевидна преемственность формы более раннего произведения с элементами литературной игры, пародийности.

Замысел и воплощение

В то же время совершенно очевидно, что структура «Гипсового трубача» гораздо сложнее. Она соответствует задаче писателя создать насыщенную картину нашей действительности в широком социоисторическом ракурсе. Читателю предлагается авторское прочтение истории страны с революционно-сталинских времен до наших дней.

«В сущности, я писал сатирическую энциклопедию нашей нынешней жизни», – отмечает Ю. Поляков [17. С. 341] и называет свое произведение «свободным романом с некоторой джазовой раскованностью, с боковыми линиями, вариациями, вставными новеллами» [17. С. 187]. Такая жанровая форма наиболее адекватна цели писателя подвергнуть разоблачающему осмеянию, традиционному для русской литературы, явления нашей действительности. Среди них бюрократизм, чиновничья травля талантов, стремление к материальным благам любой ценой, трусливость обывателей, ограниченность и бездушие власть имущих. Роман многоплановый, интригующий, веселый и грустный. В нем комическое пародирование связывает детективную и историческую линии повествования, украшено лирическим этюдами и любовными переживаниями.

Идея написать роман «Гипсовый трубач» возникла у автора за пятнадцать лет до выхода его первой части в 2008 г. Через год вышла вторая, а в 2012 г.

произведение обрело окончательную форму. Первоначально Ю. Поляков собирался написать рассказ о любви между молодыми людьми, работавшими в пионерском лагере. В течение этого времени Ю. Поляков написал и опубликовал повесть «Небо падших», романы «Козленок в молоке», «Замыслил я побег», «Грибной царь». А «Гипсовый трубоч» ждал своего часа, созревая в творческой лаборатории автора. Писателю пришлось поработать даже над сценариями своих произведений в обществе известных мастеров кинематографа: Е. Габриловича, С. Говорухина, П. Карякина, В. Меньшова.

Этот опыт и лег в основу замысла о совместной работе писателя и режиссера, реализовавшегося в свободном соединении в тексте романа фактов чужих биографий, своих нереализованных замыслов, придуманных и услышанных историй. Автор стремился показать своему читателю, «...из какой восхитительной пены умнейших мыслей, тонких наблюдений, удивительных историй, острых шуток, рискованных каламбуров, отчаянных откровений рождаются скупые строчки сценария» [16. С. 434]. Кроме этого, автора волновал вопрос, как происходит «совмещение в одной человеческой судьбе двух эпох – советской и постсоветской» [17. С. 198].

Работая в Доме ветеранов кино с Е. Габриловичем над очередным сценарием по своему произведению и наблюдая жизнь стареющих артистов, писатель собрал богатейший интересный материал. К тому же, накопившейся за время после написания «Козленка в молоке» «социальной злости» [17. С. 199], по признанию писателя, было уже достаточно для нового сатирического произведения.

Все эти замыслы автора слились и воплотились в трехтомном романе «Гипсовый трубоч», являющимся сложным синтезом реализма и постмодернизма, в котором «сюжет прихотливо витает меж разговоров, воспоминаний, вставных новелл» [17. С. 199]. В этой прозаической форме автор развивает традицию использования вставных сюжетов в основной текст романа. Мировая литература знает много примеров включения в произведение вставных новелл: «Новеллино» М. Гвардато, «Дон Кихот» М. Сервантеса, «История приключений Джозефа Эндруса и его друга Абраама Адамса» Г. Филдинга, «Приключения Пелигрини Пикля» Т. Смоллета и др. Среди классических примеров русской литературы следует отметить «Мертвые души» Н. Гоголя, многие произведения Ф. Достоевского. Из произведений XX в. очевидно жанровое родство «Гипсового трубоча» с «Голубой книгой» М. Зощенко. «Голубая книга» – сатирическое произведение, представляющее собой сборник бытовых новелл и исторических анекдотов, которыми также богат текст «Гипсового трубоча». Но «Голубая книга» не является романом.

В романе Ю. Поляков мастерски воссоздает историю страны через личные судьбы людей. Большинство из них принадлежит к творческой интеллигенции, а главными героями являются кинорежиссер и литератор. В основе сюжетообразующей линии романа находится приезд режиссера-энтузиаста Жарынина и писателя Кокотова, мечтающего о литературных лаврах, в Дом ветеранов культуры «Ипокренино» для того, чтобы написать сценарий по мотивам рассказа Кокотова «Гипсовый трубоч». «...режиссер и литератор пишут сценарий, спорят, ссорятся, сочиняют и отмечают варианты сюжета,

выдумывают судьбы персонажей, распоряжаются их страстями, жизнями и смертями» [16. С. 434]. Но их совместный творческий процесс прерывает реальная жизнь со своими проблемами. Соавторы втягиваются в борьбу против рейдерского захвата последнего пристанища старых деятелей культуры, всю жизнь посвятивших служению Музе и отдавших свои квартиры за право прожить свои последние дни в «Ипокренино», расположенном в старинном дворянском имении.

На протяжении романа Жарынин и Кокотов вместе с обитателями Дома ветеранов рассказывают друг другу истории, реальные и выдуманные, делятся своими воспоминаниями. Эти вставные части пышно ответвляются от сюжетного ствола. Значительную часть ответвлений составляют собственно тексты произведений Кокотова. Это и рассказ «Гипсовый трубач», давший название будущему фильму, синопсис к нему, отрывки из других рассказов писателя, сюжеты и замыслы еще не написанных им произведений.

Структура и поэтика

Роман разделен на главы, в названиях большинства которых использованы различные прецедентные феномены: точные или перефразированные заглавия произведений искусства – литературных источников, песен, фильмов, картин. Например, «На дне» (одноименная пьеса М. Горького), «Страдания немолодого Кокотова» (ср. с названием романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера»), «Степь да степь» (ср. с названием русского романа «Степь да степь кругом...»), «Алиса в Зазеркалье» (ср. с названием фильма «Алиса в Зазеркалье»), «История пугачевского бунта» (ср. с «Историей пугачевского бунта» А.С. Пушкина), «Скотинская мадонна» (ср. с названием картины Рафаэля «Сикстинская Мадонна») и др.

Вдохновителем замысла создания киносценария и соавтором Кокотова является Дмитрий Антонович Жарынин – «странный режиссер в берете с петушиным пером» [16. С. 434], энергичный, шумный, бесцеремонный, волевой, с очень живыми глазами, острый на язык. Он вполне обеспечен, занимается ресторанным бизнесом, то есть предельно типичен для современного делового человека. Когда-то он, «молодой Феллини», снял скандальный фильм «Двое в плавнях», который был запрещен к показу. Через всю жизнь он пронес упоительное счастье – быть знаменитым. Но тогда Жарынину не хватило сильной творческой воли преодолеть возникшие преграды, и «...коварная Синемопа (муза кино) отвернулась от него навсегда» [14. С. 633]. Он не пошел против власти, ради трудового стажа устроился на работу руководителем заводского драмкружка, слишком поздно осознав, что «гонимость, а не талант и тем более не трудовой стаж, – вот что делает настоящую славу» [12. С. 101]. После этого он фильмы уже не снимал и понимал, что никогда уже не снимет, но жажда творчества заставляла его периодически работать над киносценарием в соавторстве с каким-нибудь писателем. Представляя в своем воображении мельчайшие детали эпизода, Жарынин в творческом экстазе каждый раз восклицал: «Как я это сниму, как сниму!..» [12. С. 367]. «Покурлесив, поважничав, насладившись пиром первичных озарений, Жарынин обрывал творческий процесс. <...> Бодрый, свежий, душевно омытый,

Дима возвращался в ресторан» [14. С. 651]. Борец за справедливость и инициатор кампании по защите обиженных и ограбленных стариков, он вступил в смертельную схватку с Ибрагимбыковым. Режиссер очень тяжело переживал поражение в суде, был раздавлен несправедливостью. «Он лишь бессильно закрыл глаза и некоторое время лежал молча. <...> “Кругом подлость, и предательство, и измена...” – зажмурившись от слез, прошептал Жарынин» [11. С. 472].

Обязательный для поэтики Ю. Полякова прием говорящих фамилий обнаруживает авторское отношение к своему герою: Жарынин не может жить вне искусства, не испытывать жар творческого созидания. «Бодрее, мой друг! Мы творим вечное!» – торопил он Кокотова [12. С. 366]. Об энергичности натуры «игровода» говорит даже музыка его сотового телефона – вагнеровский «Полет Валькирий». Эта величественная композиция является воплощением небесной героики, могущества нерастраченных сил, упоения жизнью. По признанию Ю. Полякова, «Жарынин – мой любимец, один из тех буйных талантливых неудачников, которые так часто встречаются среди русских людей, запропавших в искусстве, где хватка и сцепка значат больше, чем дар» [16. С. 434]. В уста Жарынина писатель вложил и свои суждения по вопросам внутренней и международной политики. «О, как я их сниму! – изнемогая от бессильного гнева, твердил игровод. – О-о! Убью аллегорией!» [14. С. 472].

Иначе выстроен образ Андрея Львовича Кокотова, автора рассказа «Гипсовый трубач». «Ничего особенного: мужчина средних лет, шевелюристый. <...> Губы – узкие, сардонические. Щеки – пухлые. Подбородок – обидчивый. Глаза – карие, грустные, почти обреченные...» [11. С. 6]. Он зарабатывает деньги литературной халтурой, пишет с «кроличьей плодовитостью» [11. С. 174] любовные романы из серии «Лабиринты страсти» под женским псевдонимом Аннабель Ли.

Захлестнувший Россию книжный ширпотреб, производимый, в частности, и ленивым, вялым, меланхоличным Кокотовым, сатирически высмеивается автором, противопоставляющим сверхмечту литератора пошлой реальности небольшого заработка. Он «знал множество хитрых способов впрямь трепетное, как лань, и пугливое, как газель, вдохновенье в ломовую телегу литературной необходимости» [11. С. 26]. Правда, небольшой успех он все-таки имел, заслужив звание лауреата премии имени Виталия Бианки.

В жизни героев романа почти нет любви, автор, казалось бы, противоречит самим же выбранному жанру, но в этом как раз и проявляется грустно-иронический взгляд его на своих несчастливых персонажей. Не любит никого и Кокотов: «Он тратил себя на другое, им овладела иная страсть, почти болезнь, которая будет посильнее плотской. Имя этого недуга – сочинительство» [12. С. 22]. Рассказ «Гипсовый трубач» Кокотов написал, лишая себя сна и тратя время на создание женских романов. Своим существованием литератор вызывает жалость своего антипода Жарынина, которому Кокотов признается, что жизнь его «омерзительна!» [12. С. 69]. Контрастность персонажей подчеркивается печальной песней Сольвейг Э. Грига на мобильном телефоне литератора: «... заплакала Сольвейг» [14. С. 489]. К счастью, одноклассница Нина Валюшкина сохранила верность первой любви и буквально вырвала писателя из лап смерти.

Поляков изобличает различные фонды типа Сороса, которые щедро раздают гранты писателям-графоманам, чьи заслуги состоят в создании не высокохудожественных текстов, а мифов, унижающих собственный народ. Такие литераторы являются проводниками определенной идеологии и напрочь лишены патриотизма.

Особенности сатиры

Литература знает немало литературных пар: Шерлок Холмс и доктор Ватсон, Дон Кихот и Санчо Панса, Обломов и Штольц. Ю. Поляков показал нам дружбу-противостояние решительного Жарынина и трусоватого Кокотова. Порой по отношению к Кокотову режиссер ведет себя как тиран, понукает его, повелевает им и даже позволяет себе рукоприкладство. Соавторы совершенно непохожи друг на друга, но за несколько дней работы они привязались друг другу. Недаром после краткосрочного отъезда Жарынина в Москву жизнь Кокотову показалась унылой и бессмысленной. И позднее, лежа в немецкой клинике, он вспоминал недельное сотрудничество с режиссером как самое яркое событие своей жизни. Соавторов объединяла потребность творчества, без которой они не мыслили свое существование. Это их сблизало: у Кокотова «от милых строчек родного текста пошла по телу теплая радость» [12. С. 118], он гордился собой, когда его охватывал «озноб творческого всемогущества» [14. С. 463]. Писатель ценит это и в других, потому и заворожил его китайский продавец чая, на лице которого он увидел «тот творческий восторг, какой случается, например, у пианиста, окончательно утнувшего в Шопене» [11. С. 18]. Так он открыл для себя «творческий напиток» – китайский чай «Зеленая обезьяна». Режиссер также испытывал экстаз от совместной работы над сценарием фильма: по лицу Жарынина «пробежала творческая судорога» [11. С. 57].

Пока творческие персонажи создавали сценарий, директор Дома ветеранов жулик Огуревич растратил все сбережения ветеранов в расчете на быстрое обогащение, а еще раньше обменял пожертвования стариков на фантики, которыми обманывали народ еще в перестройку, – «чемадурики». Его увлечение паранормальными методиками исцеления обнаруживало в нем проходимца, которых много тогда было в стране и даже на телевидении.

Постепенно панорама сатирических персонажей романа расширяется и выходит за пределы Дома ветеранов. Перед входом в кабинет высокого чина Скурятина Жарынин и Кокотов наблюдали, как посетителям надевали на руки дорогие часы, потому что просителей с обычными часами он не принимал. Это вызывает у персонажей критические обобщения: «... вместо того, чтобы торить дороги, они разворовывают казну, скупают в Европе замки, разводят пчел, открывают никому не нужные музеи, пишут книжки о роли водопровода в мировой истории» [14. С. 473]. Предметно-бытовая деталь при создании образа присутственного места становится у писателя основным художественным средством, явно отсылающим читателя к известным гоголевским приемам: даже бронзовая богиня Фемиды, украшавшая вход в здание суда, как заметили персонажи, была без традиционной повязки на глазах! Приговор их был неутешителен: «...тащиться в суд, чтобы за пятьдесят тысяч дол-

ларов доказать, что у тебя украли тридцать. <...> Русский суд – долгий и неправый!» [11. С. 354].

В дальнейшем сатирическое расширение касается у Ю. Полякова средств массовой информации, нашедшем отражение в эпизоде вечернего выпуска новостей о судьбе «Ипокренино». Старики, надеявшиеся на справедливость, были сильно разочарованы, потому что «тихая гавань престарелых талантов» оказалась под реальной угрозой захвата. «Наглый телевизор стал», – возмущается официантка [11. С. 9]. Досталось и телеведущим: образом капризного, самовлюбленного и продажного Имоверова Ю. Поляков высмеял современных звезд экрана.

Помимо сатирического расширения, в романе можно выделить и сатирическое углубление в прошлое: временная перспектива не снижает критической остроты описания деталей советского быта. Детство Кокотова прошло в заводском общежитии, в котором «...коллективная субботняя стирка рождала в извилистых коридорах непроглядные, почти колдовские туманы, пахнущие хозяйственным мылом» [12. С. 20]. Во времена горбачевской борьбы с алкоголизмом мама Кокотова запаслась водкой, и пыльные бутылки «Пшеничной» залежались на антресолях. Постепенно с увеличением художественного пространства романа сатирические приемы Ю. Полякова приобретают интенсивность, «тяготея местами к политической сатире», – отмечает Л.Н. Турбина [18. С. 108].

Стиль Юрия Полякова отличается нарочито подчеркнутым использованием поэтических приемов. Писателю-филологу свойственно комическое словотворчество: любителя пива называет «законным животоносцем» [12. С. 7], мантию судьи – «слезонепробиваемым жилетом» [14. С. 481], кинематограф – «лучигришем», сценариста – «писодеем», режиссера – «игроводом», продюсера – «игрохапом», зрителей в театре – «зенкопялами», корыстного критика – «игрорубом» [11. С. 250–252].

В «Гипсовом трубаче» Ю. Поляков не отказывается от хорошо отработанных им в более ранних произведениях приемов использования:

– окказиональных слов («Бальзаковна» [12. С. 19], «дамократия» [14. С. 544]);

– окказиональных словосочетаний («Эго Москвы» [14. С. 516], «горячая линия “Ротики эротики”» [12. С. 8]);

– окказиональной аббревиатуры (МОПС – «Международная община писателей и сценаристов» [11. С. 319]);

– развернутых гипербола и литот («...алименты, такие крошечные, словно вычитались они из жалованья лилипута, зарабатывающего на жизнь перетаскиванием крупногабаритных грузов» [12. С. 18]);

– неожиданных сравнений («крошечное махровое полотенце, ветхое, словно обрывок музейного савана» [12. С. 95]).

Сатирическое повествование в романе дополняется говорящими фамилиями героев: писатель Кокотов, режиссер Жарынин, рейдер Ибрагимбыков, директор Дома ветеранов Огуревич, ветеран Болтянский, профессор Шепталь, чиновник Скурятин, адвокат Морекопов. Роман изобилует авторскими афоризмами («Богатство – это узаконенное преступление»), которые вместе с гипер-

болой, эпитетом, метафорой, сравнением усиливают эмоциональное воздействие на читателя: «...большая и длинная, как обожравшийся удав, адидасовская сумка» [12. С. 38]; «...жена звенит бриллиантами, как люстра в Большом театре» [12. С. 65]; «кино без действия – как женская грудь без силикона» [12. С. 116]; «...мода, как известно, ходит по кругу, подобно ослу, привязанному к колышку» [12. С. 138]; «Судьба непредсказуема, словно домохозяйка за рулем» [12. С. 15]; «Лучше ордер в руках, чем слава в веках» [12. С. 26]; «Влюбляются физические лица, а разводятся юридические» [12. С. 56]; «Предательство обладает такой разрушительной силой, по сравнению с которой атомное оружие – китайская петарда» [12. С. 170].

Ироничный режиссер Жарынин постоянно цитирует афоризмы, которые он приписывает французскому поэту и дипломату, лауреату Нобелевской премии по литературе Сен-Жон Персу. «Старость, как справедливо заметил Сен-Жон Перс, – это сарказм Бога» [12. С. 138]. «Великий Сен-Жон Перс говорил, что каждая прошедшая мимо незнакомка – это часть великого несбывшегося» [12. С. 97], «Некоторым хорошая память заменяет ум» [12. С. 100], «Мир тесен, как новый полуботинок» [12. С. 69], «...искусство – это именно бахрама жизни» [12. С. 120], «Любопытство <...> первый шаг к потере невинности...» [12. С. 146], «...искусство – это безумие, запертое в золотую клетку замысла!» [12. С. 158], «Искусство существует именно для того, чтобы наказывать зло, ибо жизнь с этой задачей не справляется» [14. С. 426], «Правда <...> – продукт скоропортящийся и длительному хранению не подлежит!» [11. С. 66]. Иногда автор приписывает этому французскому поэту и свои суждения: «...судьба подобна вредной соседке по коммуналке, то и дело подсыпающей в твою кастрюлю персидский порошок» [12. С. 106].

В «Гипсовом трубаче» важной составляющей романа являются стихи. Например, эпиграмма на «антинародное телевидение» [11. С. 8], сочиненная комсомольским поэтом Бездынько, построена как каламбур:

«От страны достанутся
Останки нам,
Если заморочат Русь
Останкиным!» [11. С. 13].

Заключение

Роман пронизан щемящим чувством утраты былых ценностей. Поспешно избавляясь от социалистической идеологии, был уничтожен истинный патриотизм, являющийся «иммунной системой народа» [15. С. 247]. Символический образ «Ипокренина», последнего приюта деятелей советской культуры, как и сама Россия, по мнению автора романа, нуждается в защите от предпринимателей новой формации.

Неожиданностью жестокого финала произведения Ю. Поляков выражает свое отношение к несурзности человеческого бытия, особенно в России: «Парадоксальность финала <...> соответствует нашей странной жизни», – отмечает автор [17. С. 472]. Нынешнее время – время оборотней и симулякров. Так, Ибрагимбыков оказался безработным актером, Жарынин – психически больным человеком, внук уважаемого ветерана Болтянского – инициатором продажи «Ипокренина». Обладающий несомненным даром предвиде-

ния писатель предостерегает читателей от скорого опасного торжества оборотничества над живым и подлинным. Все на самом не таково, каким хочет казаться. Наверное, это и есть тот «культурный код эпохи», который искал Витька Акашин, герой романа «Козленок в молоке».

Список литературы

- [1] *Басинский П.Г.* Юрий Поляков: небеса для падших // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 204–212.
- [2] *Большакова А.Ю.* Апофегей всероссийского масштаба // *Испытание реализмом: материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство (к 60-летию писателя)».* Библиографический указатель. М., 2015, С. 39–49.
- [3] *Большакова А.Ю.* Феноменология литературного письма: о прозе Юрия Полякова. М.: Наука, 2005. 319 с.
- [4] *Бондаренко В.Н.* Одинокий беглец на длинные дистанции // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 318–341.
- [5] *Казаков Н.А.* Приближаясь к неоднозначности жизни... // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 360–372.
- [6] *Кротова Д.В.* Искусство и творчество как предмет художественного осмысления в романе Ю.М. Полякова «Гипсовый трубоч» // *Испытание реализмом: материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство (к 60-летию писателя)».* Библиографический указатель. М., 2015. С. 129–141.
- [7] *Куницын В.Г.* Феномен Юрия Полякова // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 122–150.
- [8] *Маслин М.А.* Роман как национальная беседа // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 350–359.
- [9] *Неверов А.С.* Между небом и землёй // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 189–192.
- [10] *Переяслов Н.В.* Рабы вагинальной реальности // *Моя вселенная – Москва. Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика. Юбилейное издание.* М., 2014. С. 238–258.
- [11] *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубоч: дубль два. М., 2010. 476 с.
- [12] *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубоч, или Конец фильма. М., 2010. 448 с.
- [13] *Поляков Ю.М.* Государственная недостаточность. М., 2014. 608 с.
- [14] *Поляков Ю.М.* Конец фильма, или Гипсовый трубоч. М., 2012. 672 с.
- [15] *Поляков Ю.М.* Лезгинка на Лобном месте: публицистика. М., 2014. 605 с.
- [16] *Поляков Ю.М.* По ту сторону вдохновения: сборник. М., 2017. 480 с.
- [17] *Поляков Ю.М.* Созидательный реванш: сборник интервью. М., 2015. 608 с.
- [18] *Турбина Л.Н.* Юрий Поляков – кому быть живым и хвалимым, или культурный код эпохи в романе «Гипсовый трубоч» // *Испытание реализмом: материалы научно-теоретической конференции «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство (к 60-летию писателя)».* Библиографический указатель. М., 2015. С. 108–112.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 ноября 2019

Дата принятия к печати: 6 декабря 2019

Для цитирования:

Ибадова Н.Э., Голубков М.М. Проблематика и жанровое своеобразие романа Юрия Полякова «Гипсовый трубач» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 46–57. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-46-57>

Сведения об авторах:

Ибадова Нармина Эльшад кызы, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: narmina.msu@mail.ru

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: mgolubkov@mail.ru

Research article

Problematics and genre originality of Y. Polyakov's novel "Gypsum Trumpeter"

Narmina E. Ibadova, Michail M. Golubkov

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of problems and genre originality of Y. Polyakov's three-part novel "Gypsum trumpeter". The novel, written in the style of grotesque realism, is multifaceted, it contains many insert stories of historical, detective, and lyrical nature. Such a genre form serves the writer's intention to expose the vicious phenomena of the surrounding reality. The same goal is served by a wide arsenal of skillfully used poetic devices: occasional words and phrases, author's neologisms, detailed hyperbolas and litotes, unexpected comparisons. The novel abounds in aphorisms. The precedent-setting phenomenon is used in the titles of most chapters of the work. The author's attitude to the characters is shown in the "talking" surnames, bright portrait sketches. Subject-household details, epigrams give vivacity to the narrative. The novel is devoted to creative people, and in the text a lot of space is occupied by reflections and disputes about the purpose of art, about what real art should be. Paying tribute to the servants of the Muse, the author tells about inspiration, hard creative work and the torments of creation.

Keywords: the grotesque realism, precedent-setting phenomena, creativity, insert novels, aphorisms, script, collaborators, art, "talking" surnames

References

- [1] Basinskij, P.G. (2014). Yuriy Polyakov: Nebesa dlya padshih [Yuriy Polyakov: Heaven for the fallen]. *Moya vseleinnaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition]* (pp. 204–212). Moscow.

- [2] Bol'shakova, A.Yu. (2015). Apofegej vserossijskogo masshtaba [Apofegay of the all-Russian scale]. *Ispytanie realizmom: Materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii "Tvorchestvo Yuriya Polyakova: Tradiciya i novatorstvo (k 60-letiyu pisatelya)"* [Test of realism: Materials of the scientific and theoretical conference "Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and innovation (to the 60th anniversary of the writer)"]: Bibliographic index (pp. 39–49). Moscow.
- [3] Bol'shakova, A.Yu. (2005). *Fenomenologiya literaturnogo pis'ma: O proze Yuriya Polyakova* [Phenomenology of literary writing: on the prose of Yuri Polyakov]. Moscow.
- [4] Bondarenko, V.N. (2014). Odinokij beglec na dlinnye distancii [Long distance lone runaway]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 318–341). Moscow.
- [5] Kazakov, N.A. (2014). Priblizhayas' k neodnoznachnosti zhizni... [Approaching the ambiguity of life...]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 360–372). Moscow.
- [6] Krotova, D.V. (2015). Iskustvo i tvorchestvo kak predmet hudozhestvennogo osmysleniya v romane Yu.M. Polyakova "Gipsovyj trubach" [Art and creativity as a subject of artistic interpretation in the Yu.M. Polyakov's novel "Gypsum trumpeter"]. *Ispytanie realizmom: materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii "Tvorchestvo Yuriya Polyakova: Tradiciya i novatorstvo (k 60-letiyu pisatelya)"* [Test of realism: Materials of the scientific and theoretical conference "Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and innovation (to the 60th anniversary of the writer)"]: Bibliographic index (pp. 129–141). Moscow.
- [7] Kunicyn, V.G. (2014). Fenomen Yuriya Polyakova [The phenomenon of Yuri Polyakov]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 122–150). Moscow.
- [8] Maslin, M.A. (2014). Roman kak nacional'naya beseda [The novel as a national conversation]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 350–359). Moscow.
- [9] Neverov, A.S. (2014). Mezhdru nebom i zemlyoj [Between heaven and earth]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 189–192). Moscow.
- [10] Pereyaslov, N.V. (2014). Raby vaginal'noj real'nosti [Slaves of vaginal reality]. *Moya vseennaya – Moskva. Yuriy Polyakov: Lichnost', tvorchestvo, poetika. Yubilejnoe izdanie* [My universe is Moscow. Yuri Polyakov: Personality, creativity, poetics. Anniversary edition] (pp. 238–258). Moscow.
- [11] Polyakov, Yu.M. (2010). *Gipsovyj trubach: Dubl' dva* [Gypsum trumpeter: Take two]. Moscow.
- [12] Polyakov, Yu.M. (2010). *Gipsovyj trubach, ili Konec fil'ma* [Gypsum trumpeter, or The end of the film]. Moscow.
- [13] Polyakov, Yu.M. (2014). *Gosudarstvennaya nedostatochnost'* [State insufficiency]. Moscow.
- [14] Polyakov, Yu.M. (2012). *Konec fil'ma, ili Gipsovyj trubach* [The end of the film, or Gypsum trumpeter]. Moscow.
- [15] Polyakov, Yu.M. (2014). *Lezginka na Lobnom meste* [Lezginka on the Forehead]. Moscow.
- [16] Polyakov, Yu.M. (2017). *Po tu storonu vdohnoveniya* [On the other side of inspiration]. Moscow.
- [17] Polyakov, Yu.M. (2015). *Sozidatel'nyj revansh* [Creative revenge]. Moscow.
- [18] Turbina, L.N. (2015). Yuriy Polyakov – komu byt' zhivym i hvalimym, ili kul'turnyj kod epohi v romane "Gipsovyj trubach" [Yuriy Polyakov – who should be alive and

praised, or the cultural code of the era in the novel “Gypsum trumpeter”]. *Ispytanie realizmom: Materialy nauchno-teoreticheskoy konferencii “Tvorchestvo Yuriya Polyakova: tradiciya i novatorstvo (k 60-letiyu pisatelya)”* [Test of realism: Materials of the scientific and theoretical conference “Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and innovation (to the 60th anniversary of the writer)”]: Bibliographic index (pp. 108–112). Moscow.

Article history:

Received: 20 November 2019

Revised: 24 November 2019

Accepted: 5 December 2019

For citation:

Ibadova, N.E., & Golubkov, M.M. (2020). Problematics and genre originality of Y. Polyakov’s novel “Gypsum Trumpeter”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(1), 46–57. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-1-46-57>

Bio notes:

Narmina Elshad kzy Ibadova, Ph.D. student of the Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: narmina.msu@mail.ru

Michail M. Golubkov, Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of the History of the Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: mgolubkov@mail.ru